

УДК 821.111-14

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТА О ПАРИКМАХЕРЕ В СТИХОТВОРЕНИИ «ПАРИКМАХЕР» ДЖОНА ГРЕЯ И «БАЛЛАДЕ О ПАРИКМАХЕРЕ» ОБРИ БЕРДСЛИ¹

Ирина Александровна Табункина

к. филол. н., старший преподаватель кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. ira-tabunkina@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ двух стихотворений: «Парикмахер» Джона Грея и «Баллада о Парикмахере» Обри Бердсли. Они созданы на основе художественного осмысления криминальной хроники и традиции экфрасического стихотворения Бодлера «Мученица. Рисунок неизвестного мастера». Бердсли и Грей интерпретируют мотив творчества, с которым связан мотив сна и смерти героини. Продолжая живописно-поэтическую французскую традицию Ш.Бодлера (и в целом романтиков), авторы «желтых 90-х» в эстетско-декадентском духе осмысливают сюжет о парикмахере-злодее Sweeney Todd. Поэтические строки Грея и Бердсли демонстрируют соединение криминальной хроники и экфрасической традиции, натурализма и реализма, гротеска и условно-символистских форм. Грей и Бердсли проводят эстетский эксперимент с анализом внутреннего мира лирического субъекта и его страстей.

Ключевые слова: Бодлер; Грей; Бердсли; мотив творчества; мотив сна (смерти); экфрасис; эстетизм; декаданс.

Стихотворение «Парикмахер» (*The Barber*, 1893) из сборника «Рисунки серебряным карандашом»² Джона Грея (*John Henry Gray*, 1866–1934) и «Баллада о Парикмахере» (*The Ballad of a Barber*³, 1896) Обри Бердсли (*Aubrey Vincent Beardsley*, 1872–1898), английских поэтов «желтых» 1890-х гг., созданы на основе двух источников. Во-первых, это художественно осмысленная в сюжетах середины XIX в. криминальная хроника о парикмахере-злодее Sweeney Todd с Fleet Street, который бритвой перерезал горло клиенту, а его подруга и сообщница запекала трупы в пирог [Weintraub 1967: 175]⁴. Во-вторых, это живописно-поэтический источник, представленный стихотворением Ш.Бодлера «Мученица. Рисунок неизвестного мастера» из книги «Цветы зла» (*Une martyre. Dessin d'un maitre inconnu*⁵, 1857; *Les Fleurs du mal*). Известна роль французского поэта и его книги «Цветы зла» в «формировании английского декаданса» [Хорольский 1995: 19]. Некоторые из стихотворений Бодлера «предварили образность упадочной литературы “конца века”» [Бодлер 1970: 426].

Экфрасическое стихотворение Бодлера «Мученица» создано на возможно существующую гравюру, о чем свидетельствуют авторский подзаголовок «Рисунок неизвестного мастера» и

комментарии исследователей о том, что «существует несколько предположений, связывающих это стихотворение с гравюрами различных мастеров» [Бодлер 2001: 392]. Стихотворение Грея «Парикмахер» очевидно восходит к произведению французского поэта, что подтверждается и названием сборника *Silverpoints* («Рисунки серебряным карандашом»). Упоминание художественной техники серебряного карандаша, которая была известна с XII в. и предполагала нанесение рисунка заточенным кусочком серебра или проволокой, припаянной к ручке и хранимой в специальном футляре [Митина 2012], акцентирует внимание на визуальности словесных образов. Бердсли к «Балладе о парикмахере» сделал рисунок «Прическа» (*Coiffing*, 1896), на котором герои стихотворения получают графическое выражение.

Стихотворение «Парикмахер» Грея и «Баллада о парикмахере» Бердсли сближаются наличием в них мотива творчества. В заглавиях и первых строках обоих стихотворений обозначена фигура главного героя, субъекта лирического переживания – парикмахера («The Barber»: I was a barber; «The Ballad of a Barber»: Here is the tale of Carrousel, / The barber <...>). В стихотворении Грея парикмахер является также массажистом (*I*

was a masseur). Мастерство парикмахера в стихотворениях связано одновременно с творчеством и убийством. Традиция подобной связи особенно распространена в период рубежа XIX–XX вв. и идет от поздних французских романтиков и английских постромантиков.

С творчеством в стихотворениях Бодлера, Грея и Бердсли связан мотив сна. В «Парикмахере» Грея мотив творчества, творческого воображения героя выражен во сне. Мотив сна является центральным в этом стихотворении, которое можно отнести к жанру видения (сновидения). Герой – парикмахер и массажист одновременно – во сне (*I dreamed I was a barber <...> The dream grew vague*), являющемся некрофилической фантазией, создает (буквально «формирует»), украшает труп героини и восхищается им. Не случайно это стихотворение Грея называют «сексуальной фантазией, в которой поэт мечтает во сне, что он парикмахер, причесывающий (иначе – ласкающий) своих юных клиенток» [Weintraub 1967: 175].

Испытываемые героем ощущения одновременно натуралистичны (их подчеркивают глаголы, связанные с описанием форм тела, касаниями к нему и действиями над ним, а также указание на профессию массажиста) и символичны (метафорическое описание интимных частей тела создает двойную образность). Сон-мечта становится осязаемым. Субъективность героя и повествование от первого лица акцентируют внимание на связи с автором-творцом стихотворения, а также с биографическим автором.

В стихотворениях Бодлера и Бердсли сон связан со смертью героини. В «Мученице» Бодлера от третьего лица создается словесная картина, на которой изображена героиня, лишенная головы («отрубленная», она «на столике лежит, как лютик небывалый, / И, в пустоту вперяя взгляд, / Как сумерки зимой, белесы, тусклы, вялы, / Глаза бессмысленно глядят» [Бодлер 1970: 185]). Автор подробно описывает ее внешний вид, элементы одежды, интерьер, а также размышляет о причине произошедшего, делает попытку заглянуть во внутренний мир когда-то живой героини («Как все в ней молодо! – Ужель, с судьбой в раздоре, / От скуки злой, от маеты / Желаний гибельных остервенелой своре / Свою судьбу швырнула ты?») [там же: 186].

Герой в «Балладе о парикмахере» Бердсли работает на конкретной улице Миридиан Стрит (*Meridian Street*), реальность которой подчеркнута деталями убранства парикмахерской (*powders, paints, dyes, scents, pomades, irons, razor, floor, toilet table, room*). В балладе подробно описаны действия парикмахера и его состояние, которые привели к убийству Принцессы, – Каррусель

нанес удар горлышком бутылки от одеколona. Ее смерть сравнивается со сном, а Каррусель покидает ее, как спящего – сон: «The Princess gave a little scream, / Carrousel's cut was sharp and deep; / He left her softly as a dream / That leaves a sleeper to his sleep». В «Балладе о парикмахере» автор занимает внешнюю по отношению к герою позицию, ведя повествование от третьего лица, используя местоимения *he, his* и давая жанровое определение своему произведению (*tale*).

Выстраиваясь в определенную последовательность, «Мученица. Рисунок неизвестного мастера» Ш.Бодлера, «Парикмахер» Д.Грея и «Баллада о парикмахере» О.Бердсли образуют поэтическую традицию: от экфрасиса воображаемой картины в стихотворении Бодлера к действительному существующему рисунку Бердсли через стихотворение Грея из сборника «Рисунки серебряным карандашом».

Стихотворения Грея «Парикмахер» и Бердсли «Баллада о парикмахере»⁶ написаны двустопным размером с ударением на четном слоге. Это так называемые английские ямбы, представляющие «переходные образования» между силлаботонической и чисто тонической системами стихосложения [Жирмунский 1975: 171; Гаспаров 1989]. О переходном характере свидетельствуют «двусложные междударные промежутки рядом с обычными односложными» и «начало стиха с ударения» (т.е. нулевая анакруза), что наблюдалось в «поэтической практике Шекспира и его современников, Мильтона, большинства поэтов XIX в.» [Жирмунский 1975: 185, 171].

Стихотворение Грея состоит из четырех строф с разным количеством строк: I – 11, II – 8, III – 7, IV – 6. Строки первых трех строф связаны смежной межстрочной рифмой. При этом рифмуются последняя строка предыдущей строфы и первая строка последующей строфы. В IV строфе строки рифмуются по смежному способу рифмовки, но обособленно от III строфы и содержат более четкий по сравнению с I – III строфами ритм чередования ударных и безударных слогов в строке. Баллада Бердсли значительно больше по объему: это 17 строф по четыре строки каждая с перекрестной рифмовкой, что подчеркивает народную традицию жанра. Не случайно русский поэт М.А.Кузмин бердслеевское *tale* перевел как «песнь»: «Here is the tale of Carrousel <...>» / «О Каруселе песнь прочтите <...>» [Бердслей 1992: 212].

В первой строфе стихотворения Грея герой во сне начинает украшение клиенток с волос и лица. Во II строфе говорится о том, что он движется по телу вниз и внутрь. Возникают прямые и метафорические обозначения женских интимных частей тела. В III строфе появляется главная кли-

ентка парикмахера-массажиста, его возлюбленная (*O, last of my pale mistresses, Sweetness!*) в мраморном корыте (*the marble trough*), которое вызывает ассоциации одновременно с раковиной Венеры и со столом в мертвецкой. В IV строфе, начинающейся междометием «So!», представлен итог воображаемой, фантазийной работы героя, в которой сливаются звуки и краски, прекрасное и безобразное, а состояние парикмахера неоднозначно и противоречиво.

Сюжетно-композиционные особенности «Баллады о парикмахере» Бердсли обусловлены появлением в центральной IX строфе образа главной клиентки парикмахера – юной Принцессы. С I по VIII строфы говорится о мастерстве Карруселя, о его положительных профессиональных и человеческих качествах. Начиная с IX строфы проступает иная сторона парикмахера: в последующих строфах всегда положительный герой совершает злодейство, и I–VIII строфы ретроспективно воспринимаются читателем как гротеск. Образ Принцессы в балладе связан с сюжетным поворотом, обозначенным вопросительным предложением: «How came it then one summer day, / Coiffing the daughter of the King, / He lengthened out the least delay / And loitered in his hairdressing?»

Работа парикмахера в стихотворении Грея представлена как задание (*task*), описание которого дано в одном предложении на восемь строк. Процессуальность действий героя выражена в ряде инфинитивов «золотить», «окрашивать», «разделять», «дуть» (*to gild, to paint, to paint, to draw, to blow*), которые расположены строго в начале строк. Работа парикмахера заключается в том, чтобы осторожно, прядь за прядью, позолотить волосы, окрасить брови, разделить шпильками закрытые ресницы, окрасить нижние веки и подуть на них легким дыханием: «To gild their hair, carefully, strand by strand; / To paint their eyebrows with a timid hand; / To draw a bodkin, from a vase of kohl, / Through the closed lashes; pencil from a bowl / Of sepia to paint them underneath; / To blow upon their eyes with a soft breath. / They lay them back and watches the leaping bands».

В первой строфе «Баллады о парикмахере» Бердсли, как и в стихотворении Грея, заявлено о профессии героя (*Here is the tale of Carrousel, / The barber of Meridian Street*). Его мастерство особенно подчеркнуто: он стриг, завивал и брил так хорошо, что весь мир был у его ног (*He cut, and coiffed, and shaved so well, / That all the world was at his feet*). Деятельность героя в балладе Бердсли названа одновременно искусством (*his art* – IV строфа) и ежедневным трудом (*his daily task* – VII строфа). Она заключалась в придании глупому лицу умного выражения или добавления

греческой богине удивительных черт и грации: «Such was his art he could with ease / Curl wit into the dullest face; / Or to a goddess of old Greece / Add a new wonder and a grace» (IV строфа). К характеристике профессиональных достоинств парикмахера добавляется и описание его человеческих качеств. В его сердце не было гордости, он был скромнен в своем ежедневном деле, которое было всем тем, что он любил: «Yet with no pride his heart was moved; / He was so modest in his ways! / His daily task was all he loved, / And now and then a little praise» (VII строфа). Положительное свойство Карруселя заключается также в том, что он с одинаковым вниманием относился к простым и сложным вопросам и не оказывал предпочтения ни одному из полов: «An equal care he would bestow / On problems simple or complex; / And nobody had seen him show / A preference for either sex» (VIII строфа).

В стихотворении Грея перечислены атрибуты парикмахерского дела. В I строфе упоминаются шпильки (*bodkin*), ваза с сурьмой (*a vase of kohl*), карандаш цвета сепии (*pencil from a bowl of sepia*), развивающиеся ленты (*leaping bands*). Во II строфе добавляются краски (*pigments*), а бериллы, кристаллы, шелковые ткани и драгоценности, «горячие, грубые» наименования которых никогда не произносятся (*Beryls and crysolites and diaphanes, / And gems whose hot harsh names are never said*), использованы как метафора для обозначения интимных частей тела.

В балладе Бердсли атрибуты парикмахерского искусства – это порошки, румяна, нежные краски, ценнейшие духи и редкие помады. Их обилие подчеркивает анафора *and*, метафора, усиленная анжабеманом: «All powders, paints, and subtle dyes, / And costliest scents that men distil, / And rare pomades, forgot their price / And marvelled at his splendid skill» (V строфа). Для характеристики щипцов и бритвы Бердсли соединяет бытовую и музыкальную метафоры: щипцы для волос становились в руках Карруселя быстрее, чем разговор, а бритва, касаясь нежнейшей щеки, была словно дирижерская палочка: *The curling irons in his hand / Almost grew quick enough to speak, / The razor was a magic wand / That understood the softest cheek* (VI строфа).

Наряду с различными атрибутами парикмахерского дела, главной деталью в образе парикмахера являются руки. В стихотворении Грея руки и пальцы героя играют особую роль (*Beneath my hand <...> / Beneath my trembling fingers <...> timid hand*). Характеристика в I строфе «дрожащих» пальцев (*trembling fingers*) и «робких» движений рук (*timid hand*) парикмахера соотносится с разным состоянием парикмахера. Начиная обряд украшения, он восхищенно (*oh!*)

и трепетно относится к своей работе. Во II строфе говорится о кровоточащих от удивления пальцах, когда парикмахер прикасался к интимным частям тел своих клиенток (*and my fingers bled / With wonder as I touched their awful limbs*).

Движение пальцев Карруселя в момент причесывания клиентки также свидетельствует о волнении героя. Они потеряли ловкость (*His fingers lost their cunning quite...*), нащупывали и мяли одежду на груди (*His fingers fumbled in his breast...*). Мрачная ирония баллады проявляется в том, что руки, которыми Каррусель «творит» облик своих клиентов, связаны с убийством – ими было сломано горлышко бутылки от одеколора и нанесен смертельный порез Принцессе («*He snatched a bottle of Cologne, / And broke the neck between his hands*»).

Клиентки парикмахера в стихотворении Грея – это маски прелестных девушек (*many a mask of many a pleasant girl*), в отношении которых автор использует местоимение *their, they*. Первой и главной деталью в их описании становится нелепая копна волос (*manes extravagant*). Создание образа клиентки начинается в I строфе с головы и воплощается в телесных мотивах во II–IV строфах. Сначала это пряди волос (*their hair <...> strand by strand*), затем брови (*their eyebrows*), закрытые верхние и нижнее веки (*closed lashes <...> underneath*), глаза (*their eyes*). Во II–III строфах взгляд героя движется вниз по телу, возвращается к голове и охватывает весь облик: подвижная грудь (*mobile breast*), впадина живота (*the valley*), талия (*waist*), бедра (*their thighs, their awful limbs, two-lipped*), серые с голубым отливом глаза (*thy steelgray eyes*), тело (*thy body*).

В балладе Бердсли круг клиентов парикмахера представлен царствующими и придворными особами, в характеристике которых отсутствуют натуралистические и символистские подробности поэтики Грея. Король, Королева и красавицы были обязаны парикмахеру своими успехами, а щеголи стекались к его дверям, как пчелы к яркому букету. Популярность Карруселя подчеркивает загруженность улицы, где он работал, экипажами и кабриолетами («*The King, the Queen, and all the Court, / To no one else would trust their hair, / And reigning belles of every sort / Owed their successes to his care*»).

Главная клиентка парикмахера в стихотворении Грея неожиданно появляется в третьей строфе (*Suddenly, in the marble trough, there seems*). Она – «последняя из его возлюбленных», которую герой называет *Sweetness* («*O, last of my pale mistresses, Sweetness*»). Эпитет «*sweet*» применяет и Бердсли к характеристике своей героини, облик которой противоположен возлюбленной парикмахера у Грея. В балладе Принцесса –

юное 13-летнее дитя. Радостная и пугливая, она сравнивается с весенними цветами в момент, когда скроется солнце: «*The Princess was a pretty child, / Thirteen years old, or thereabout. / She was as joyous and as wild / As spring flowers when the sun is out*» (X строфа). По контрасту с наполненным природными ассоциациями образом Принцессы в балладе, возлюбленная парикмахера у Грея раскрашена: ее губы стали похожи на алые фиалки, а серые с голубым отливом глаза окрасились в фиолетовый цвет (*A two-lipped scarlet pansie. My caress / Tinges thy steelgray eyes to violet*).

Если в стихотворении Грея «клиентка» представлена как мертвое тело, которое от обращения с ним издает шлепающие звуки, какие герой слышал в госпитале для больных чумой (*Adown thy body skips the pit-a-pat / Of treatment once heard in a hospital / For plagues ...*), то образ Принцессы в балладе Бердсли создан ассоциациями к музыкальным произведениям австрийского композитора – романтика Ф.Шуберта: «*She was as lyrical and sweet / As one of Schubert's melodies*».

Финальная строфа стихотворения Грея обрамлена характеристикой разнообразных чувств героя: его кровь холодеет от шлепающих звуков, которые издает тело («*...>at the sound, the blood of me stood cold*»). Гротескное изменение форм тела возлюбленной клиентки – волосы стали золотом, горло и плечи надулись и стали неуклюжи, груди вздулись и стали похожи на рот, по животу поползла бледная краснота (*The chaste hair ripened into sullen gold. / The throat, the shoulders, swelled and were uncouth. / The breast rose up and offered each a mouth. / And on the belly pallid blushes crept<...>*) – сводило парикмахера с ума, он смеялся и плакал одновременно («*...> That maddened me, until I laughed and wept*). Такое соединение противоречивых реакций как раз свойственно пребыванию в состоянии сна.

В финальных строфах баллады Бердсли убийство Принцессы неожиданно сравнивается со сном (*He left her softly as a dream / That leaves a sleeper to his sleep*), что подчеркивает авторскую иронию и попытку ухода от темы смерти и скандальности образа парикмахера. Настроение Карруселя после совершенного поступка противопоставляется последующему за ним наказанию. Случившееся обыграно в соединении трех точек зрения – самого парикмахера, его клиентов и читателя (*He left the room on pointed feet; / Smiling that things had gone so well./ They hanged him in Meridian Street. / You pray in vain for Carrousel*).

Обри Бердсли и Джон Грей, продолжая живописно-поэтическую французскую традицию Бодлера (и в целом романтиков), в эстетско-

декадентском духе осмысливают сюжет о парикмахере-злодее Sweeney Todd. У обоих авторов диапазон действий парикмахера широк – от украшения и раскрашивания до убийства, а также любования мертвым телом, действий над ним – обоих авторов коснулась «волна эстетизма» [Хорольский 1995: 55]. Парикмахер и массажист в стихотворении Грея во сне любит изменением форм неживого (мертвого) облика (маски) возлюбленной клиентки. В духе декаданса он смакует подробности, связанные со смертью, а интимные части тела в его воображении представляются драгоценными камнями и шелковыми тканями. Некрофилическая фантазия героя, облаченная в слово, сопровождается его противоречивыми эмоциями – от восхищения и смеха до испуга и плача.

В «Балладе о парикмахере» Бердсли соединяет элементы описания внутреннего мира Карруселя и реалии его парикмахерского дела. Сюжет баллады построен на убийстве юной Принцессы, казалось бы, положительным героем. Парикмахер, сведенный с ума воздействием естественной и юной красоты, уничтожает ее в приступе волнения. Акцент на внутреннем мире Карруселя, подробная характеристика его душевных и профессиональных качеств не позволяют рассматривать балладу только как иллюстрацию скандальной хроники.

Стихотворения Бодлера, Грея и Бердсли демонстрируют соединение разных художественных и документальных традиций: экфрасиса и криминальной хроники, натурализма и реализма, гротеска и условно-символистских форм, представляющее собой эстетский эксперимент с анализом внутреннего мира героя и его страстей. Декадентская наполненность сюжета о парикмахере на рубеже XIX–XX вв. делает его популярным и в литературе XX–XXI вв.: Ф.Уэлдон «Подводя итоги» (1985), А.С.Байетт «Лодыжки медузы» (1993) [Бочкарева, Графова 2011: 195–199], Дж.Барнс «Краткая история парикмахерского дела» (1997) и др. Соединение в художественном сюжете убийства и искусства отражает проблематику кризисности сознания в период рубежа эпох [Бочкарева 2010: 111–118].

Примечания

¹ Выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного исследования «Поэтика русской и английской литературы рубежа XIX–XX вв.: традиции, рецепция, интерпретация», грант № МК – 2181.2012.6, а также при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Экфрастические жанры в классической и со-

временной литературе», проект № 12-34-01012a1.

² Поэтический сборник Дж. Грея «Рисунки серебряным карандашом» (*Silverpoints*) был опубликован Мэтьюсом и Лейном в ограниченном количестве (250 обычных экземпляров и 25 экземпляров *de luxe*) и состоял из 16 оригинальных стихотворений Грея и его 13 переводов из Верлена (7), Малларме (1), Рембо (2), Бодлера (3) [Dowling 1977: 159].

³ Стихотворения Грея и Бердсли опубликованы в издании: [The New Oxford Book of Victorian Verse 1987: 586; 606–607]. В данной статье цитирование ведется без указания страниц.

⁴ Попытка исследовать живописные и литературные интерпретации парикмахерского салона в контексте русской культуры XIX–XX вв. предпринимается в статье Н.Брукс [Брукс 2008]. В аспекте интерпретации мифологического сюжета Е.В.Тырышкина проводит анализ стихотворения М.Волошина «Голова *madame de Lamballe* (4 сент. 1792 г.)» (1906) [Тырышкина 2009: 80–87].

⁵ На русском языке стихотворение существует в переводах А.Альвинга, С.Головачевского, А.Панова, Эллиса, П.Якубовича, В.Левика [Бодлер 1970: 426]. В данной статье стихотворение Бодлера цитируется по переводу В.Левика.

⁶ Имена Грея и Бердсли появляются вместе в ироническом отзыве Ады Ливерсон и Оскара Уайльда на сборник «Рисунки серебряным карандашом», ставшем «знаком» (*icon*) эпохи *fin de siècle* [Dowling 1977: 159]. В поэтическом сборнике Грея, который представлял собой книгу с необычайно широкими полями, писательница увидела «тоненькую речушку текста, петляющую среди незасеянных книжных полей» и посоветовала О.Уайльду «опубликовать книгу, состоящую из одних полей, полную прекрасных невысказанных мыслей». Развивая ее идею, Уайльд фантазировал: «Книга будет посвящена вам, а проиллюстрирует ненаписанный текст Обри Бердслей» [Эллман 2000: 445].

Роберт Хиченз в романе-пародии «Зеленая гвоздика» (1894) на «Портрет Дориана Грея» Уайльда (роман Хиченза был опубликован анонимно, и авторство приписывалось Аде Ливерсон [Акимова 2009: 6, 5]), иронически помещает сборник Грея в контекст английской литературы первой половины XIX в. Героиня миссис Виндзор, которая «увлекалась в основном творчеством неизвестных поэтов и знала про них все», «не разбиралась в поэзии и искренне считала, что произведение Джона Грея “Рисунки серебряным карандашом” было намного лучше, чем ода Вордсворта “Откровения бессмертия” или “Небесная подруга” Россетти» [Хиченз 2009: 39].

Список литературы

- Акимов О.В. Вступительная статья // Хиченз Р. Зеленая гвоздика: пер. с англ. О.В.Акимовой. СПб.: Алетейя, 2009. С.5–7.
- Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / сост. А.Басманов. М.: Игра-техника, 1992. 288 с.
- Бодлер Ш. Цветы зла (по авторскому проекту третьего издания). М.: Наука, 1970. 470 с.
- Бодлер Ш. Стихотворения: пер. с фр. / сост. Е.Витковский; коммент. Е.Витковского, Е.Баевской. Харьков: Фолио, 2001. 494 с. (Вершины. Коллекция).
- Бочкарева Н.С. Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.2(8). С.111–118.
- Бочкарева Н.С., Графова О.И. Хронотоп парикмахерской в рассказах Ф.Уэлдон «Подводя итоги» и А.С.Байетт «Лодыжки медузы» // Мировая литература в контексте культуры: сб. материалов VIII междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвящ. памяти проф. А.А.Бельского и проф. Н.С.Лейтес (15 апреля 2011 г.), и V всерос. студ. науч. конф. (26 апреля 2011 г.) / общ. ред. и сост. Н.С.Бочкаревой и В.А.Бячковой / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. С.195–199.
- Брукс Н. «Парикмахерский код» в русской культуре XX века // Интерпретация и авангард: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И.Е.Лощилова. Новосибирск: НГПУ, 2008. URL: <http://raspopin.den-za-dnem.ru/files/0809181221704502.doc> (дата обращения: 06.07.2012).
- Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. 304 с.
- Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975. 664 с.
- Митина Н. Непростая история простого карандаша // Истор. журн. History Illustrated. 2012. №7. URL: http://www.history-illustrated.ru/article_5616.html (дата обращения: 19.07.2012).
- Тырышкина Е.В. М.Волошин. «Голова madame de Lamballe»: опыт анализа // XV Волошинские чтения: Междунар. науч.-практ. конф. «Мой дом раскрыт навстречу всех дорог...»: сб. науч. ст. / сост. И.В.Левичев, Н.М.Мирошниченко. Т.М.Свиридова. Симферополь: Антиква, 2011. С. 80–87.
- Хиченз Р. Зеленая гвоздика / пер. с англ. О.В.Акимовой. СПб.: Алетейя, 2009. 136 с.
- Хорольский В.В. Эстетизм и символизм в поэзии Англии и Ирландии рубежа XIX–XX веков. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 144 с.
- Элман Р. Оскар Уайльд: биография / пер. с англ. Л.Мотылева. М.: Изд-во Независимая газета, 2000. 688 с. (Сер. «Литературные биографии»).
- Dowling L.C. Nature and Decadence: John Gray's *Silverpoints* // Victorian Poetry. Vol.15, No.2 (Summer, 1977). P.159–169. URL: <http://www.jstor.org/pss/40002557> (дата обращения: 21.04.2012).
- The New Oxford Book of Victorian Verse* / ed. by Ch.Ricks. Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. 655 p.
- Weintraub S. Beardsley. A biography. N.Y.: Braziller, 1967. 293 p.

INTERPRETATION OF THE PLOT ABOUT THE BARBER IN THE POEM “THE BARBER” BY JOHN GRAY AND IN “THE BALLAD OF A BARBER” BY AUBREY BEARDSLEY

Irina A. Tabunkina

Senior Lecturer of World Literature and Culture Department
Perm State National Research University

The article is devoted to the comparative analysis of *The Barber* by John Gray and *The Ballad of a Barber* by Aubrey Beardsley. The poems are based on the interpretation of the criminal plot and ekphrasis of *Martyr. Figure unknown master* by Ch.Baudelaire. A.Beardsley and J.Gray interpret the motif of creation, which is related to the motif of sleep and death. Developing the French fine art and poetic tradition of Ch.Baudelaire (of all romantics) the authors of the “yellow 90-s” comprehend the plot of the villain barber Sweeney Todd as aesthetic and decadent. J.Gray's and A.Beardsley's lines show the merge of crime news and the ekphrastic tradition, naturalism and realism, grotesque and symbolism. J.Gray and A.Beardsley make an esthetic experiment with the analysis of the inner world of the lyrical subject and his passion.

Key words: Baudelaire; Gray; Beardsley; motif of creation; motif of sleep (death); ekphrasis; aestheticism; decadence.